

АРХЕО·ГРАФИКА

№4, февраль 2016 г. ~ Труды Археографической лаборатории Истрафа МГУ

В номере:

**«СЛОВОМ,
ДЕЛОМ
И ПОМЫШЛЕНИЕМ»**

Артем Носов, 3 курс

**КОСТРОМСКИЕ
СТАРООБРЯДЦЫ**

Янина Паташян, 3 курс

**НОВЫЕ ЛЮДИ
В СТАРОЙ ВЕРЕ**

Сергей Максимов, 4 курс

**ЧИН ПЕРЕВОДА
В СТАРООБРЯДЧЕСТВО**

Кирилл Клопков, 4 курс

ПОЕЗДКА В ЧЕРНОПЕНЬЕ

Илья Певзнер, 3 курс

**ЗАПИСКИ
СТРАНСТВУЮЩЕГО
АРХЕОГРАФА. Ч. 1**

Николай Домрачев,
3 курс

ТАТАРИЦА

Юрий Белянкин, Архлаб

КОСТРОМА СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ и не только

В июле 2015 года мы начали многолетнюю работу по описанию книг в хранилищах Костромской области и изучению старообрядческой культуры Костромской и Ярославской епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви. Работали тремя отрядами – два отряда занимались описанием книг в хранилищах Художественного музея, Ипатьевского монастыря и в далеком Кологриве, а кроме того работали и в книжницах старообрядческих храмов. И прозвище получили «книжники». Третий отряд беседовал со старообрядцами в общинах, в полном смысле слова занимался разведкой – выяснял адреса, знакомился с людьми, на ходу пытался понять, что волнует старообрядцев, как воспитывают детей, как живут в городе, какие традиции сохраняют... Этот отряд был прозван «антропологами».

В этом году студентов в экспедицию отправилось 14 человек, на призыв писать в Археографику откликнулись многие, поэтому мы решили разделить номера на условно и преимущественно «антропологический» и «книжный».

Перед вами «антропологический» номер. Это зарисовки, первые впечатления о старообрядцах – не только костромичах, но и жителях болгарского села Татари́ца. И хотя до антропологов нам очень далеко, зато появилось главное – настоящий интерес к традициям, к людям, желание учиться и, может быть, самое важное – чувство благодарности за возможность прикоснуться к другой, незнакомой пока культуре.

Участники экспедиции в Дурасово (старообрядческая luxury village, по словам студентов)

«...СЛОВОМ, ДЕЛОМ И ПОМЫШЛЕНИЕМ...» об изучении костромской книжности и старообрядчества

В один из декабрьских дней я сидел в поточной аудитории и ждал лекцию по истории Церкви. К всеобщему удивлению у нее не было рутинного и планового оттенка. В этот день И.В. Поздеева поведала нам об археографии. В завершении лекции Ирина Васильевна сказала несколько слов об экспедициях Архлаба и о том, что мы, студенты 2-го курса, можем к ним присоединиться. После лекции вокруг Ирины Васильевны образовалась толпа студентов с многочисленными вопросами о жизни и работе в «поле», с просьбами об организации спецкурсов для будущих участников экспедиций. Она много рассказывала, старалась уделить внимание каждому интересующемуся, но одна ее фраза показалась мне особенной и надолго закрепилась памяти: «Как же здорово, что вы проявили интерес к археографии! Жаль только, что интерес этот у многих пропадет, а ехать в «поле» решатся единицы...» В тот вечер я долго думал над этими словами, но для себя твердо решил, что стану участником летней экспедиции.

И.В. Поздеева оказалась права: к зачету по двум спецкурсам (один для «книжников», другой для «антропологов») суммарно приступило 14 человек из 30–40 желающих. С первых занятий нас учили тому, что книга бытовала, люди оставляли на ней следы, которые говорят об определенном укладе их жизни, что старообрядчество сохранило древнюю книжную культуру, чему мы удивляемся и по сей день. В формализованной теории звучало это естественно и абсолютно логично. И вот, смиренно и непрестанно (книгу за книгой, лист за листом, согласие за

согласием, общину за общиной) погружались мы в жизнь староверов и старопечатной книги. Не успели мы опомниться, как уже сидели на последнем собрании перед экспедицией и внимали наставлениям Ирины Васильевны и Натальи Викторовны...

Крайне любопытным было то, что мы имели совершенно общую и поверхностную информацию о костромском регионе. Молодые и неопытные студенты наряду с руководителями-профессионалами становились будто первооткрывателями неведомого мира костромского старообрядчества и старопечатной книги, который сокрыт от несведущих глаз современного общества. В ходе экспедиционной разведки очень многое поражало сердце и разум. Ни дня не проходило без книги, человека, места, которое заставляло бы удивляться и восхищаться. На меня особое впечатление производили старообрядческие храмы, где все эти компоненты сливались воедино, представляя древнерусскую и старообрядческую культуру. Мне посчастливилось принять участие в описании книг храмов в селах Дурасово и Чернопенье, а также присутствовать на двух литургиях и общаться со староверами вместе с «антропологами».

С первых дней работы меня терзало странное чувство, которое не поддавалось никакому контролю и объяснению. Открываешь книгу, видишь загадочные записи, маргиналии, затертые нижние углы листов и капли воска... Понимаешь, что тебе чего-то не хватает для интерпретации увиденного, словно отсутствует какое-то чрезвычайно важное звено между тобой и книгой. Сидишь рядом с бабушкой, начинаешь спрашивать про ее родителей, родных и близких, про переведенных в старообрядчество никониан, про знаменное пение и службы... И опять встречаются информационные лакуны и внутреннее смятение.

Озарение наступило, когда мы с Натальей Викторовной окончили одну из бесед и присоединились к другой части нашей команды «ан-

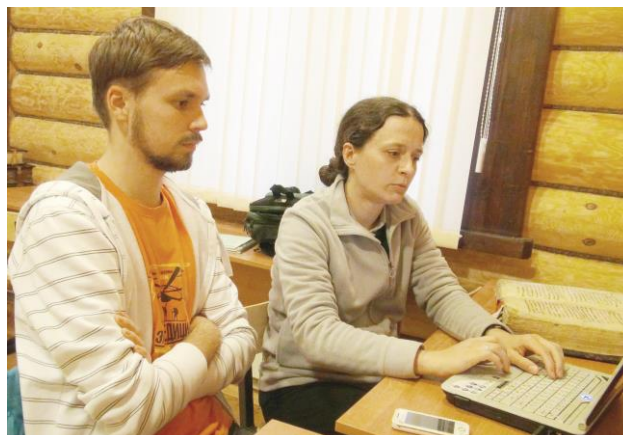
тропологов». Ребята общались с Николаем Андреевичем Зайцевым, который фактически выполняет обязанности старосты в стрельниковском приходе. В его доме мы обнаружили небольшое собрание старых книг, с большей частью которых пришлось работать мне, как единственному книжнику-студенту. Просматривая книгу за книгой, слушая разговоры ребят с Николаем Андреевичем, я заметил, что прежнее странное чувство сменилось радостью и восторгом исследователя. В этот момент книга соединилась с хранителем и вершителем ее судьбы, с человеком, который несет в себе ту старинную книжную культуру, отраженную на полях книг их предыдущими хозяевами.

Именно тогда проявилось реальное и практическое осознание проблемы бытования книг. С подачи Ирины Васильевны я на интуитивном уровне, казалось бы, понимал связь книги и человека еще раньше, однако все это было в теории и в частных примерах, которые она демонстрировала. Весь весенний семестр она пыталась донести до нас, будущих «книжников», это сокровенное знание, согласно которому старопечатная книга была неотрывно связана с жизнью отдельно взятого человека, семьи, прихода, она проживала судьбу того общества, в котором ей довелось бытовать. Когда общаешься с человеком, который относится к книге примерно так же, как и его предки, жившие несколько веков назад, начинаешь мыслить уже по-другому. С более глубоким пониманием жизни книжников сам процесс исследования становится более многогранным и рафинированным.

Исследователь, взявший в руки старопечатную (особенно дониконовскую) книгу, тут же становится косвенным свидетелем сложных и противоречивых процессов исторического развития России. Одним из крупнейших социальных потрясением XVII в. стал церковный раскол.

Именно в книжности отражена та боль русского народа, те муки и страдания, которые он претерпел в эту смутную эпоху, эхо которой отголоском доносится и до наших дней.

Артем Носов и Мария Лебедь за описанием книг

Мы, «книжники», выделяем и извлекаем из книг всю эту информацию. Однако без антропологической составляющей эту работу, к сожалению, можно провести менее качественно и с возможной потерей некоторых сведений, которые таят в себе книги. Стоит сказать, что и для «антропологов» книжные навыки очень важны, поскольку книга, которую старовер решил показать своим собеседникам, может содержать ценную информацию о местном старообрядчестве, а без «книжников» эти сведения могут быть просто упущены. Поэтому так важен системный подход в работе археографических экспедиций, в котором сочетаются антропологические и различные книжные методы для максимально полного извлечения полезной информации о старообрядчестве и книжности конкретного региона. И я сам безмерно рад, что мне удалось поучаствовать в разведке костромского региона в качестве «книжника» и «антрополога». За все это я искренне благодарен руководителям Костромской археографической экспедиции 2015 г., с которыми мне посчастливилось работать.

Описание церковной библиотеки в Дурасово

Возможно, своими рассуждениями я диктую прописную истину. Однако думается, что в ходе

долгой работы эта истина может затеряться в разуме и превратиться в пустой бессмысленный рефлекс. Поэтому всем исследователям необходимо ее помнить, а также не терять благоговения и трепета перед нашими благодетелями, староверами, и дарами старообрядческой культуры.

Артём Носов, 3 курс

КОСТРОМСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

Моя поездка в Кострому на практику к старообрядцам была удивлением как для меня самой, так и для моего окружения. Будучи студенткой, глубоко заинтересованной в западноевропейской истории нового и новейшего времени, я изначально даже не могла предположить, какое сильное впечатление произведут на меня жители Костромы, с которыми мне довелось познакомиться в нашей экспедиции.

Что же я знала о старообрядцах до летней практики? Наверное, все то, что знает каждый обыватель. На ум приходит стандартный набор словосочетаний: церковная реформа Никона, бородатые дедушки, двоеперстие, девушки в платках и сарафанах и т.п.

Отец Василий и детский лагерь в Чернопенье

Осознание того, кем же в действительности являются старообрядцы, приходило изо дня в день. Простые ассоциации сменялись конкретными фактами и знаниями, подпитанными и подтвержденными различными историями из жизни реальных людей, которые с полным от-

кровением и доверием относились к московским студентам. Каждый наш собеседник старался как можно больше рассказать о своей вере, показать нам, что именно она является истинной.

Семья старообрядцев-художников Орловых

Самое главное, что я поняла о старообрядцах, это то, что они являются глубоко верующими людьми, поистине верующими, для которых служба и разнообразные таинства – это не просто слова, а неотъемлемая часть жизни. Ни один старообрядец не начнет свой день, трапезу, не отойдет ко сну, не прочитав молитвы. Более важно то, что они вкладывают в это понятие нечто особенное, до конца не понятное человеку, абсолютно светскому.

Крестный ход на праздник Петра и Павла в Стельниково

Интересным для меня было различное отношение старообрядцев к таким привычным для простого обывателя вещам, как телефон, холодильник телевизор, компьютер и т.п. Многие из них спокойно относятся к предметам глобализации, однако утверждая, что пользоваться ими надо по необходимости, без фанатизма и только с благими намерениями. Другая же часть старообрядцев, напротив, считает эти предметы грехом и не советует ими пользоваться.

Также хотелось бы отметить тот факт, что до поездки в Кострому слово «старообрядец» в моем сознании почему-то не ассоциировалось с представителями молодежи. Но на практике все

оказалось иначе. Приходя в выходные дни в храм на службу (особенно на праздничную), я видела вокруг себя не только юношей и девушек, но также маленьких детей, старательно повторяющих все то, что делали их родители. В этом, на мой взгляд, проявляется преемственность традиций среди старообрядцев.

Дети на колокольне в Стрельниково

На мой взгляд, понять всю сущность старообрядчества возможно лишь в личных беседах с людьми, которые искренне делятся с тобой своими мыслями, историями своей семьи; вряд ли какие-либо книги смогли бы так заинтересовать меня, как сумели это сделать костромские старообрядцы. Сегодня я с уверенностью могу сказать, что с огромным удовольствием поехала бы туда еще раз, ведь так много вопросов мы можем еще задать этим людям, твердо стоящим на своих жизненных принципах и верящим в светлое будущее.

Янина Паташян, 3 курс

НОВЫЕ ЛЮДИ В СТАРОЙ ВЕРЕ

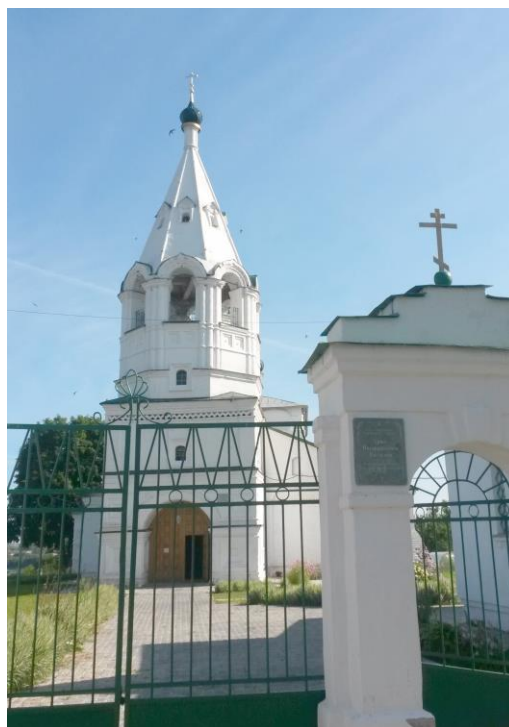
Многим в нашем обществе старообрядчество представляется верой «только для своих», семейным делом, где знания и традиции передаются строго внутри сложившихся старообрядческих родов. Такое мнение распространено, но оно, к счастью, не верно – многие принимают старообрядчество через крещение (первым чином, если прежде не был крещен или был крещен «обливательно») или через «перевод» (вторым чином, через отречение от ереси и миропомазание, если был прежде крещен «погружением», либо третьим

чином – только через отречение от ереси). Причины и побуждения принятия старообрядчества нестарообрядцами могут быть самыми различными и активно практикуются.

Крестный ход на праздник Петра и Павла в Стрельниково

Результаты Костромской археографической экспедиции, а точнее будет сказать разведки, которая состоялась в июле 2015 года, дают нам прекрасную возможность исследовать проблематику перевода в старообрядчество и взаимоотношений общины и ее нового члена. Для начала стоит уточнить: старообрядцы на Костромской земле имеют давние и устойчивые связи с представителями иных конфессий (в основном, конечно, с представителями Русской православной церкви). В отличие, например, от старообрядческих общин Молдавии, где начало активных переходов из «никонианства» в старообрядчество и наоборот можно отнести к 1970-м годам, в Костроме наши респонденты не смогли определить нижнюю границу переводов, но говорят, что это началось «очень давно».

Спасо-Преображенский Костромской старообрядческий храм

В наше время большинство прихожан, в том числе и сельских приходов, живут и работают в городе Костроме, и это сильно увеличивает количество браков с старообрядцами, которых стараются крестить или привести в старообрядчество переводом. Брак остается основным поводом для перехода в старую веру, но многие респонденты отмечают, что после перевода и таинства венчания новообращенные зачастую продолжают вести прежнюю жизнь, не учатся вере и не участвуют в жизни общины. Хотя имеются и обратные примеры, когда человек искренне принял веру и начал постигать ее учение и традиции даже глубже и активнее, чем выходцы из старообрядческих семей.

Не только брак, но и собственные размышления на духовные темы, а также различные жизненные перипетии приводят людей в старообрядчество. Таких старообрядцев не много, но их выбор кажется более взвешенным и обдуманым. Эти люди, как правило, активно читают Писание и Предание, принимают активное участие в жизни церкви. Нам посчастливилось познакомиться со старостой одного из сельских приходов и священноиереем, переведенным в старообрядчество в сущем сане – людьми, которыми может гордиться современное Костромское старообрядчество.

Сергей Максимов, 4 курс

ЧИН ПЕРЕВОДА В СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Наталья Сергеевна со своим гражданским мужем Борисом Александровичем пришли в церковь деревни Стрельниково тёплым солнечным днём 26-го июля. Воистину, погода благоприятствовала и освещала церковь таким образом, что весь воздух был проникнут той атмосферой спокойного блаженства, которая может быть только в час чего-то великого. Этот день был, как могло показаться, одним из самых важных в их жизни, хотя они и скрывали это под маской абсолютного безразличия и неучастия в происходящем; этот день был днём их венчания.

Милой невесте 28, жениху 30. Приехали молодые из Санкт-Петербурга. Насколько было видно, молодожёнам было скорее в тягость приезжать на венчание в Костромскую область, а инициатором этого была, вероятно, мать жениха – маленькая сердитая бабушка в платке, которая и обговаривала детали последующего венчания со священником, и передавала всё необходимое для венчания.

Фотография венчания из личного архива старообрядца, 1980-е гг.

Священник, а в тот день служил отец Павел, встретил обоих с лаской и отеческой заботой, хотя и без особого интереса. Узнав, что жена была из новообрядцев, священник начал готовиться к чину перевода. Осведомившись у жениха, где он был крещён и по какому обряду (а крещён тот был в деревне Стрельниково, в церкви которой работала в тот день наша экспедиция), священник начал задавать первые вопросы невесте.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Стрельниково

Он начал с простого: спросил, когда у обращаемой день ангела. Получив ответ, который его удовлетворил, отец Павел задал несколько вопросов о крещении обращаемой: крестили ли её вообще, как крестили, погружали ли её полностью или лишь кропили и если погружали, то сколько раз. Наталья Сергеевна ответила, что отчётливо

помнит, как её пятилетнюю крестили тройным погружением в купель, что уже, в принципе, отменяло необходимость крестить её в старообрядчество «первым чином» – погружением. Затем священник спросил, знает ли невеста «Верую» (Символ Веры), объяснив, что нужно будет его трижды повторить, и есть ли у неё с собой поясок.

Прояснив для себя таким образом, можно ли перевести невесту для совершения чина венчания, отец Павел увёл Наталью Сергеевну за правый клирос. Встав лицом к алтарю, оба совершили земной поклон и несколько поясных, при этом священник читал некоторые молитвы.

На этом хотелось бы немного уклониться от магистральной темы в сторону, дабы объяснить, почему здесь и далее так мало определённости у меня по отношению к молитвословию чина перевода в старообрядчество. Дело в том, что, войдя в старообрядческую церковь, каждый иноверец (а фактически каждый, кто находится вне религиозной общины староверов) не имеет возможности свободно передвигаться по церкви. Обычно тот, кто не позиционирует себя как старообрядца, стоит около западной стены, то есть около выхода из церкви. И, как можно понять, исходя из этой логики, мы с моим коллегой Василием стояли около выхода, то есть в противоположном конце церкви. Из-за этого, честно говоря, нам не было слышно почти ничего, что было сказано там, на правом клиросе. Единственное, что могло быть мною идентифицировано, был Символ Веры, который обращаемая читала в течение чина перевода трижды.

Василий Загребин в доме старосты стрельниковского храма

На счастье рядом с нами находилось некое подобие прилавка (в изначальном смысле этого слова!), за которым стоял не кто иной, как уставщик храма в Стрельниково, Николай Андреевич Зайцев. Я, будучи с ним не знаком, не имел возможности в тот час уточнить, что же происходит за правым клиросом, что почти скрыто от глаз стороннего наблюдателя. Однако мой коллега Васи-

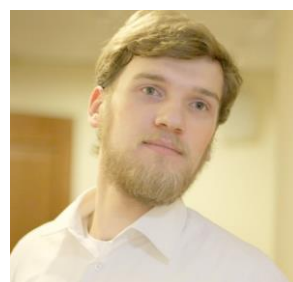
лий начал спрашивать у Николая Андреевича, с кем он был знаком и поддерживал тёплые отношения, проклинают ли старообрядцы во время чина перевода новообрядцев. Николай Андреевич, ничтоже сумняшеся, сказал, что безусловно проклинают никониан и всех еретиков. Но затем он рассказал, что по-хорошему всякий старовер должен был бы в этом случае отречься от своих родственников, чего, конечно, делать никто не хочет. Спасаться, мол, не спасаются, а всё тоже люди, прекращать общение никто не хочет.

Тем временем настало завершение чина перевода. Отец Павел трижды помазал миром лоб обращаемой и повёл её в нашу сторону. Я было удивился, но отец Павел открыл дверь за нами и увёл за неё Наталью Сергеевну. Рискну предположить, что последнюю просто исповедовали за дверью. Через некоторое время оба вышли, и перед нашими глазами предстала раба Божия Наталья, которой под огромный белоснежный платок, заколотый булавкой под подбородком, положили кружево, закрывающее её лоб до уровня бровей, и которой повязали поясок на талию.

Владыка Викентий венчает в Евгения и Анну в Дурасово

Итак, можно увидеть, что Наталью Сергеевну перевели в старообрядчество "вторым чином", то есть исключительно через миропомазание и отречение от ереси.

Кирилл Клопков, 4 курс

ПОЕЗДКА В ЧЕРНОПЕНЬЕ

В этом году летняя археографическая практика проходила в Костромской области. Три недели были посвящены изучению культуры и быта старообрядцев. Рассказать можно многое... Каждый день – это новые люди, очень интересные и столь непохожие друг на друга. Все они староверы, и у каждого из них своя история, неповторимая и захватывающая. Слушать этих людей можно часами, невольно забывая о подготовленных заранее вопросах, которые хотел задать. С первых дней экспедиции осознаешь, что беседы с людьми – это гораздо больше, чем формальный опрос с целью получения конкретных сведений о жизни старообрядцев данного региона. Метод полевого исследования будто отступает на второй план. Речь идет уже не столько об этноконфессиональной группе со своей культурой, традициями, особенностями быта, сколько об отдельном человеке, его судьбе. Да, именно судьба человека неожиданно выступает перед нами в качестве объекта изучения. А в ней, как известно, тесно переплетается все: и история, и культура, и повседневная жизнь, и многое другое, о чем и не задумывается начинающий исследователь.

Антропологический отряд в гостях у художников Орловых

Судьбы уникальны и многогранны. О них не напишешь в одной статье, а порой и в целой книге, да ведь и не знаешь всего. В самом деле, что можно разузнать о незнакомом человеке за двухчасовую беседу? (Дольше обычно не говорили: неудобно было отнимать много времени у людей, отвлекать их от дел). Разве что, проследить основные этапы жизненного пути. Здесь уже радуешься, когда предоставляется возможность выяснить интересующие нас детали.

Часто обходишься без наводящих вопросов – в одной истории собеседнику удастся выразить все. Тогда просто выступаешь в роли молчаливого слушателя, боясь сбить его с мысли. Так или иначе, время пролетает незаметно. Об одной из таких бесед и хотелось бы рассказать.

Жаркий летний день. После полудня отправляемся в село Чернопенье за Волгой. Дорога дол-

гая... Наконец приезжаем, любуемся красотой волжского причала, потом заходим в местную церковь. Там оказывается множество книг: у нашей команды здесь на два дня работы. Накануне секретарь епархии сказал нам, что сегодня в Чернопенье открывается детский летний лагерь.

Храм Николая Чудотворца в Чернопенье

Детский лагерь на молитве

Времени у нас не так много. Староста показывает нам дом Манефы Павловны, живущей недалеко от церкви. Дверь открывает старушка, приглашает пройти. Втроем мы устроились у печки, хозяйка села напротив за небольшим кухонным столиком. В полутемную комнатку едва проникал свет из маленького окошка.

Начали разговор. Манефа родилась в 1931 году. Она родом из маленькой деревни Вежи. Вокруг были леса и болота, рядом текла небольшая речка. Весной деревню сильно подтопляло. Это место славилось тем, что здесь когда-то жил некрасовский дед Мазай. Манефа рассказывает, что еще до войны в Вежах стоял и его дом.

Детство было тяжелым. За молитвы семью хотели репрессировать. Спасаясь от неминуемой гибели, родители Манефы переехали в село Куйниково. С ее слов, там было две церкви: одна – кирпичная никонианская, другая – деревянная старообрядческая. Стали жить... Но вскоре война: в первый же год погиб ушедший на фронт отец Манефы. Осталась мать и младшая сестра Галина. Время было тяжелым – чтобы прокормить семью, приходилось очень много работать, а на учебу

времени не хватало. У самой Манефы образование пять классов школы; сестра же не окончила семилетку: пошла работать здесь же, в селе.

После устройства на работу Манефе Павловне дали квартиру при предприятии в селе Руны, где она жила до 1954 года, до переезда в Чернопенье. Далее следовал длинный рассказ о замужестве и нелегкой семейной жизни. В селе она познакомилась с местным парнем, гармонистом Владимиром. Два года они встречались, ходили в кино, на танцы. Потом он нашел работу на предприятии в Вологодской области. Казалось бы, отношения должны прерваться. Но нет, на удивление молодой человек дважды приезжал в родное село и просил ее руки. Девушка наотрез отказывалась покидать родной дом, но в итоге Владимир пошел на уступки: бросил работу и остался в Чернопенье, но самое главное – он перешел в старообрядчество. Все это ради возлюбленной. Вскоре молодые повенчались. Совместная жизнь продлилась долгих 45 лет, но, по словам Манефы, она не была счастливой. Еще до замужества мать не раз предупреждала ее, что Владимир – чужой для нее человек да и, к тому же, имеет пристрастие к спиртному. Вскоре после свадьбы муж запил... Между супругами начались ссоры, а потом дошло и до рукоприкладства.

Старообрядческий храм в Чернопенье

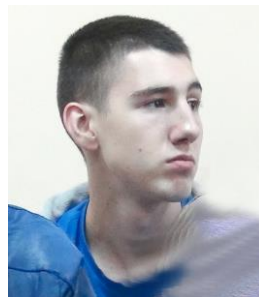
Здесь повествование Манефы было прервано одним давно назревшим вопросом: почему не развелись? Она говорит, что однажды ходила просить развода к местному священнику, отцу Илье. Ответ был однозначным: брак – это крест, который надо нести до смерти, и о разводе не может идти речи. Манефа часто брала детей и уходила в дом к матери от пьяного мужа. Потом вновь возвращалась. При такой жизни у нее почти не оставалось свободного времени – только по воскресеньям ходила в церковь молиться. Чтению церковных книг и молитвам ее научила тетка. За свою жизнь Манефа прочитала Библию, Псалтырь, Жития Святых, знакома и с Григорьевым видением.

Манефа еще долго общалась с нами. После рассказа о непростой семейной жизни старушка заговорила о своих детях и внуках. Как известно, тема неисчерпаемая. У Манефы два сына и две дочери. Сыновья после школы образование не продолжали: отслужили в армии, а дальше работали в родном селе. Дочери закончили ПТУ в Костроме; там же удалось найти работу. У всех уже давно свои семьи. Манефа говорит, что все ее дети вступили в брак с никонианами, в церкви не венчались. К слову, и ее сестра замужем за никонианином. Внуков у бабушки Манефы много – обо всех не расскажешь. Они нередко приезжают к ней погостить.

Бабушка Манефа провожает гостей

Во время беседы пришел сын Манефы Николай. Он выглядел усталым и был явно не рад гостям. Мы поспешили удалиться. Манефа вышла нас провожать. Казалось, старушка может еще долго говорить о своей большой любимой семье. Она для Манефы – великое счастье, перед которым меркнут все пережитые горести и беды. А сколько добрых и теплых воспоминаний оставила после себя встреча с этим светлым человеком!

Илья Певзнер, 3 курс

ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО АРХЕОГРАФА. Часть 1.

Дождливым летом 2015 года мне посчастливилось побывать в Костромской археографической экспедиции Исторического факультета МГУ. Древняя Кострома встретила нас ярким солнечным днем, представ во всей своей купеческой красе. Но следующий день оказался холодным, туман обволакивал окрестности деревеньки Дурасово, где по милости владыки Викентия, мы были размещены. Работать было непросто. Во мраке неотопливаемых летом храмов было холоднее, чем вне их стен, где небесные потоки перемежались редкими улыбками летнего солнца. Но это было только начало поджидавших археографа трудностей. До отдельных мест нужно было добираться через километры проселочных разбитых дорог, на которых ямы замаскированы лужами, оставленными последним щедрым ливнем. Где-то, преодолев эту первую преграду, отряд неожиданно наталкивался на непонимание и нежелание местных обитателей показывать заезжим гостям свои сокровища, хранящиеся, порою, в пыльных углах или сырых шкафах. Эти «хранилища», на которые только может быть способна человеческая фантазия, таили в себе, помимо действительно ценных, но забытых, сокровищ, множество всевозможной живности. Она всем своим нервозным метанием выражала испуганное недовольство, что какой-то страшный археограф начинает копошиться в их мягком теплом и уютном жилище, где испокон веку между буквами и в стыках тетрадей обитали бесчисленные поколения этих созданий

Спасением и отрадой были музеи. Там были созданы все условия для нормальной работы, и хранилось множество интереснейших по-настоящему древних книг. Но в том и заключается прелесть и романтика дела археографа, чтобы найти, описать и по возможности сохранить то, что сейчас находится на грани забвения, исчезновения. То, что можно еще найти в далеких сель-

ских храмах, районных музеях и на руках у людей, которые под влиянием урбанистической культуры постепенно отходят от традиций отцов и дедов, от почитания кириллической книги.

Старообрядцы.

Жемчужины старопечатной книги

Я вместе со студентом Кириллом Клопковым входил в отряд, работавший под руководством профессора И.В. Поздеевой. Первые две недели мы занимались описанием собрания двух старообрядческих храмов, расположенных в пригородных костромских деревнях. Нами и еще несколькими отрядами были полностью изучены и описаны книжные коллекции храма Рождества Богородицы в деревне Дурасово, той самой, которая стала нашим родным домом без малого на целый месяц, и храма Николая Чудотворца в деревне Чернопенье.

Старообрядческий храм в Дурасово

Большую часть церковных коллекций составляют «нудные» минеи Единоверческой печати XIX века. Их еще не успевшие пожелтеть от времени не впитавшие никакой информации о своем бытовании на протяжении полутора столетий листы почти не содержат маргиналий, помет и прочих следов интеллектуальной деятельности. Этот факт

свидетельствует о том, что бытование богослужебных книг поздней печати у старообрядцев было ограничено храмовым пространством. Это обусловлено их специфическим содержанием и не в меньшей степени их «новизной», к которой в старообрядческих кругах традиционно сохраняется скептическое отношение. Однако подобные экземпляры бывают не столь безнадежны для исследователя традиционной культуры. Зачастую в них встречаются всевозможные вложения: записки о здравии и упокоении, фрагменты рукописных молитв и т.п., которые относятся по большей части к XX в. Примечательны особенности переплетов этих книг. Внутренняя сторона досок переплета у многих экземпляров аккуратно обклеена однотипными обоями, миллиметровой или почтовой бумагой, а корешки с внешней стороны обтянуты брезентовой тканью зеленовато-болотного цвета. Эти особенности однозначно указывают на то, что в недавнем прошлом корпус богослужебных книг вполне профессионально ремонтировался в домашней мастерской.

Поистине яркими жемчужинами костромских старообрядческих церковных собраний являются певческие рукописи, изготовленные в начале XX в.

в знаменитом подмосковном селе Гуслицы. Они сохраняют традицию крюковой нотации знаменного распева, забытую в современной Русской Православной церкви. В буквальном смысле яркой особенностью этих рукописей являются многоцветные инициалы, орнаменты и заставки, выполненные в неповторимом гуслицком стиле. Основу его составляет геометрическая рамка, которую словно садовую беседку опутывают густые широколистные цветы с огромными «маковыми» бутонами. Все это пышное разнообразие переливается яркими оранжевыми, синими, красными и зелеными красками, а благодаря особой технике раскрашивания достигается эффект объемности всей композиции.

Но старообрядческие коллекции примечательны не только разнообразием относительно современной книжной продукции. В этой среде традиционно благоговейно относились к книгам старой, особенно дониконовской, печати, находя в них безусловные авторитеты. Экспедицией в двух вышеназванных деревнях было выявлено чуть меньше десятка старопечатных экземпляров. Сохранность некоторых из них оставляет желать лучшего – листы рассыпаются, тетради расплетены и каким-то чудом держатся на одной единственной ниточке. Однако большинство книг хорошей сохранности, имеют многочисленные маргиналии и пометы. Пара экземпляров донесла до нас оригинальный переплет XVII в.

Мне довелось описывать в своем роде уникальный экземпляр, обладающий сложной судьбой и своим существованием разрушающий некоторые стереотипы о современном старообрядчестве. Речь идет о Служебнике 1693 г., отпечатанном на Московском Печатном дворе. Само по себе уникальное издание, почти не дошедшее до нашего времени по ряду объективных и рациональных причин. В старообрядческой среде оно сохраниться не могло ровно потому, что было издано после церковного раскола. Тот тираж, который осел по приходам постепенно заменялся более новыми синодальными изданиями, обветшавшие книги отправлялись на периферию или переходили в частные руки. Дальнейшая судьба этих служебников складывалась по-разному, но большинство из них, приняв на себя абсолютно не свойственные маргинальные функции, как то детский учебник грамоты или личный дневник, растворились во времени.

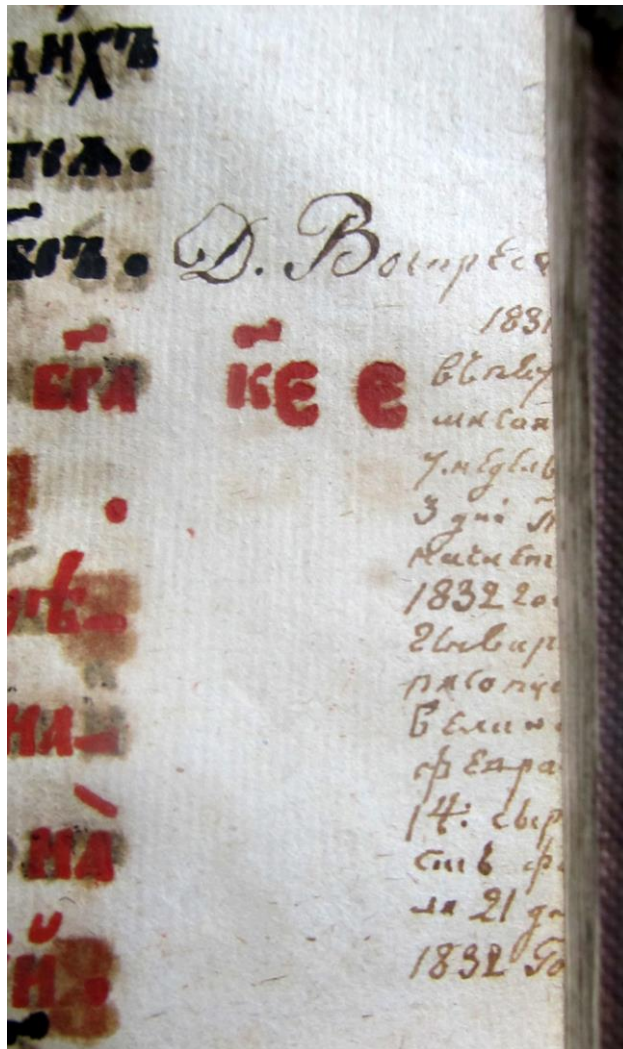
Моему экземпляру повезло больше. Во-первых, не раз отреставрированный, он сильно потерял в полях, но сохранился полностью. Пер-

вые полвека, по всей видимости, книга функционировала по своему прямому назначению, но прямых свидетельств этому ее страницы не сохранили. Возможно, это связано с тем, что ее поля сильно обрезаны, а также во время одной из реставраций в конце XIX в. были вместе с переплетом полностью обновлены припереплетные листы. Таким образом, экземпляр лишился тех зон, где высока вероятность встретить владельческую/купчую запись раннего времени. Факт, что Служебник был вложен кем-то в храм как дар или на помин души родичей, я должен исключить сразу и вот по какой причине. Книга задержалась в приходе чуть меньше, чем на век. Палеография ряда записей светского характера на внешних полях указывает на середину XVIII в. (если точнее, на выучку письму в это время), когда она оказалась в личном распоряжении владельца. Вклад в храм, безусловно, находился бы под надзором клира и не покинул бы пределы клироса или дьяконника.

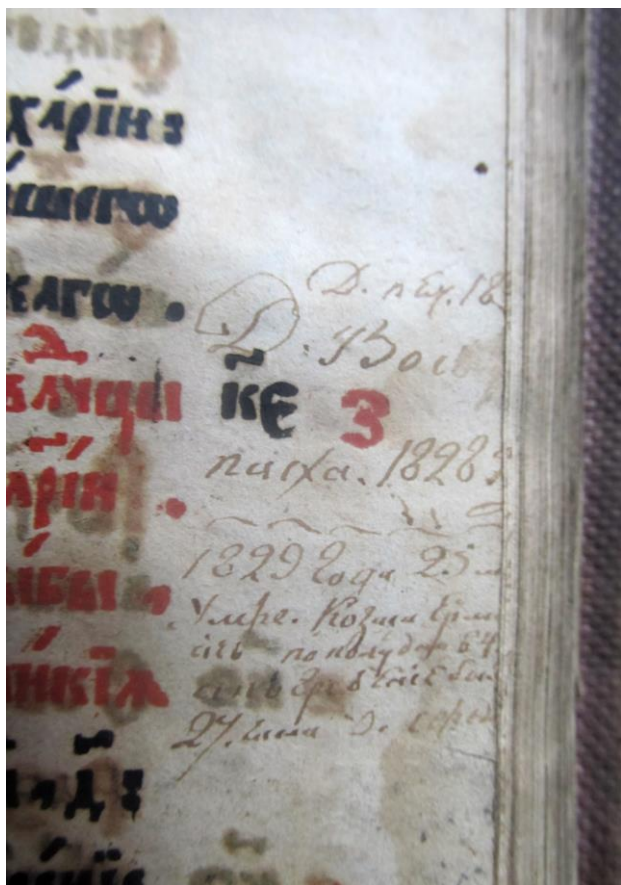
К последней четверти XVIII в. судьба нашего Служебника меняется. Поля его Месяцеслова начинают заполняться заметками, очевидно, светского содержания. К сожалению, прочитать их нет никакой возможности, потому что из-за обреза листов от них сохранились последние 7-8 букв каждой строки. Отдельные фрагменты, которые удалось прочесть, а именно слова «император» и «присяга / императору», помогают точнее датировать этот этап в бытовании книги. Учитывая палеографию, подобного рода записи могут отно-

ситься к 1761 г. либо к 1796 г. Слово «ноябрь», встречающееся во фрагменте о присяге, определенно указывает на Павла Петровича (стал императором с 17 ноября, дня смерти матери). Еще одним аргументом в пользу такой датировки служит упоминание отчества «Павлович». Возможно, речь идет о ком-то из его сыновей.

Примечательным является факт «нетрадиционного» использования входящего в состав издания Служебника 1693 г. Месяцеслова. Поля разделенного на дни и месяцы текста становятся своеобразным «ежедневником» для человека той эпохи. Он избирает такой способ фиксации важных событий из его жизни и из жизни окружающего его большого мира, чтобы сохранить важные для него сведения, привязать их к точной датировке. Мы наблюдаем, возможно, один из ранних примеров использования датированных текстов для хранения важной информации. К сожалению, моей ошибкой было невнимание к привязке этой группы записей к хронологии Месяцеслова, поэтому на данный момент выяснить ряд связанных с этим проблем (например, спустя сколько дней после смерти императрицы указ о присяге новому

императору достиг места жительства нашего владельца) не представляется возможным.

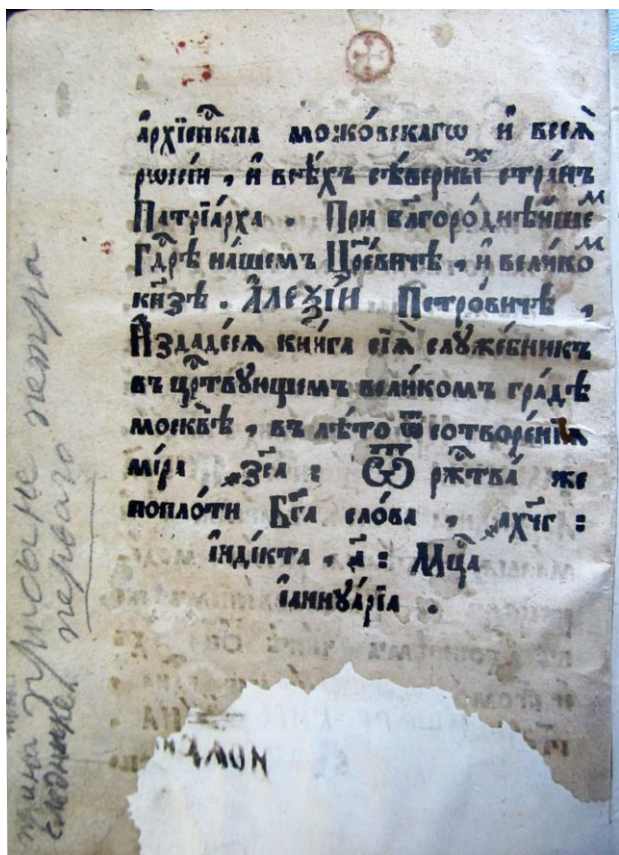
Но традиция дневникового использования текста Месяцеслова передалась и следующему поколению обладателей нашего Служебника. Нельзя исключать, что книга как летописец отдельной семьи, бытовала только в пределах поколений одного и того же рода. Этот факт объясняет бережное отношение к ней и ее хорошую сохранность. Следующая по времени группа записей датируется по тексту 1828–1831 гг. Они написаны аккуратным мелким почерком первой четверти XIX в. и разнообразны по тематике: это и заметки дневникового характера, и выписки интересных фактов, и своеобразный синодик. Например, под 1 сентября есть запись: «Есть въ море / трава Саргась / останавливаетъ / ходъ короблѣй. / записана Генваря / 15 дня 1832 года / Д. пятница». А под 7 января содержится следующее: «Д. Субо[та] / поехалъ / в Москву / по полудни в 10⁴⁵. Ел самъ / И.В. Чирков». Возможно, тут владелец раскрыл свое имя. Этот же условный Чирков занимался не только фиксированием событий своей жизни на полях семейного Служебника, но и внимательно вчитывался во входящие в его состав тексты: под некоторыми из них находят восторженные отклики по поводу их боговдохновенной мудрости. Безусловно одно: в этот период наш Служебник стал настольной книгой этого человека.

После этих двух блоков записей «дневникового» характера, судя по всему, традиция фиксации семейных событий и интересных фактов в этой книге прекращается. Возможно, в 1833 году скончался Чирков, а его наследники не стали продолжать его «летопись». А может быть, у него самого сменились жизненные ориентиры, и он забросил духовное чтение и свой «дневник». Что бы ни было причиной, записи в книге обрываются и появляются вновь только на рубеже XIX–XX вв., уже после постановки нового кожаного переплета. Но это уже записи совершенно иного характера. Они представляют собой размашистые и труднопонятные карандашные тексты на обклейке верхней крышки и припереплетных листах. Из их содержания становится ясно, что новый обладатель книги принимается за ее изучение и к своему величайшему удивлению и восторгу открывает ее древность. Он пытается вычислить возраст книги, а затем вновь возвращается к этому занятию спустя три года. Поэтому мы находим возраст в 214 лет относительно 1907 года и 217 лет относительно 1910 года. Новый владелец углубляется в историю и фиксирует себе, кем приходится цари Петр и Иоанн Алексею Михайловичу.

На книге проставлен инвентарный номер, из чего можно предположить, что она побывала в частном собрании. Возможно, она попала туда в конце XIX в. Новый владелец, собиратель и ценитель древностей тут же занялся ее реставрацией, а позднее зафиксировал для себя ее возраст и выходные сведения.

Наконец, не менее интересным является последний, современный этап бытования нашего Служебника. Что бы ни говорили о современных старообрядцах, и какие бы традиционные правила поведения они сами себе ни приписывали, их действия зачастую носят прагматический, рациональный характер. Судьба моего экземпляра яркое тому подтверждение. Как я уже сказал, он входит в собрание владыки Викентия, который, вопреки нашим ожиданиям, оказался прекрасно осведомлен, что это «никонианская» книга. Однако он не собирается от нее избавляться, более того, по его собственным словам, он иногда по ней служит (но не всегда – в алтаре, под рукой, есть несколько расплетенных для удобства служебников единоверческой печати). Он справедливо заявляет, что в тексте нет принципиальных различий с изданиями дониконовской поры. Действительно, опыт описания единоверческих миней и октоихов показывает, что «искаженные» или неприемлемые по идеологическим соображениям места просто-напросто исправляются

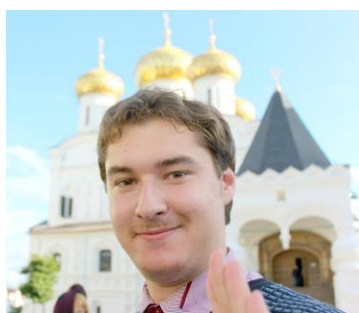
переклейкой «неудобных» слов. Между прочим, в моем Службнике подобной практики зафиксировано не было.

Подводя итог, стоит сказать, что сама судьба позаботилась о сохранности нашего необычного Службника. На протяжении полутора столетий им владели члены одного рода. Книга оказалась вскоре после 1693 года в руках приходского священника, возможно была куплена на его личные деньги. Подробности ее дальнейшего бытования неизвестны. Ясно, что длительное время она пребывала в храме, передаваясь от одного поколения священников другому. Ближе к концу XVIII в. на ум ее владельцу приходит новый способ использования: книга превращается в подобие летописи. Невозможно сказать определенно, оставалась ли в этот момент книга в храме, или же попала в домашнюю библиотеку. Я лично склоняюсь к первому варианту, потому что оглашение важных государственных указов и распоряжений, а также приведение к присяге традиционно осуществлялось через сеть приходов Православной церкви и других имперских конфессий. Появление подобного рода записей свидетельствует о росте интереса владельца книги к происходящим событиям. Он пытается их зафиксировать, более того, привязать к точной дате, так чтобы своевременно вспоминать об этом. Его начинание продолжает следующее поколение, однако, судя по содержанию записей, книга оказывается уже в домашней

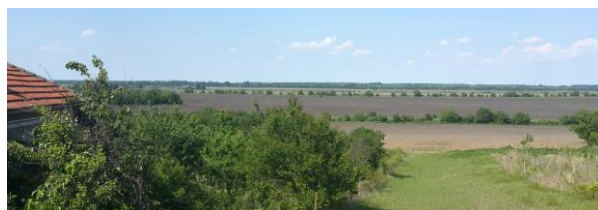
библиотеке и не выполняет своих непосредственных функций.

Ее владелец – интересующийся человек, читающий не систематически, и сохраняющий еще бытовой, обывательский взгляд на мир. В это время книга сохраняется как семейная ценность, за ней ухаживают, вероятно, в это же время обрезают ее края. Только после того, как она оказывается в других руках, ее серьезно реставрируют. Были подклеены листы, сменен переплет и окрашен обрез. Наконец, стоит отметить, что практика использования полей месяцеслова в качестве «летописи» не угасла в XX в. В деревне Чернопенье мною был описан Псалтырь 1915 года, в котором, начиная с 1920-х до 1938 гг., регулярно велись подобные записи.

Николай Домрачев, 3 курс

ТАТАРИЦА

Старинное село Татарица скрывается в пригородах древней Силистры, видевшей Святославовы дела – тогда еще во времена римско-византийского Дуросторома (Доростол). Может быть, не случайно именно здесь уже не первый век теплится свеча «старой веры», ревнители которой нашли убежище в этих местах от гнетущей государевой руки, не дававшей им покоя на Родине. Велика надежда, что свеча эта была и будет неугасимой, хотя и ветры земной жизни ее одолевают. Село утопает в окружении лугов и заросших холмов, с которых хочется дотянуться до голубой глади Дуная. После молдавских путешествий кажется, что снова вернулся туда: почти те же дома, пышные сады, длинная-длинная улица-аллея от большой дороги к центру села, где высится церковь. Пока идешь, можно свернуть к ледяному источнику. А в доме угощаешься той же банницей или голубцами.

Татарица похожа на маленький полуостров, или даже островок, отделенный великим Дунаем от «материка» – обширной и богатой валахско-молдавской и бессарабской земли, также издавна осваиваемой старообрядцами. Сама Татарица исторически и родственно связана с северными краями – достаточно преодолеть реку и вот валахский берег, а всего через полтора-два часа вы оказываетесь в Бухаресте. Даже сейчас в Татарице ощущается близость Бессарабии – семейные узы не раз объединяли выходцев с берегов Дуная и Днестра. Татарицу сегодня окормляет отец Флор, представитель румынских липован далеко не в первом поколении. Матушка Татьяна – из старообрядцев Приднестровья, «кацапов», оставившая Бендеры для того, чтобы поддерживать вместе с о. Флором традиции «старой веры» на болгарской земле. Навсегда в их памяти останутся Бендеры, где в Покровской церкви о. Виктор Костромин, ныне служащий в далеком селе Покровка у «украинных» границ, совершил венчание.

На сегодняшний день немного напоминает в Татарице о насыщенном и ярком прошлом. Это место по-прежнему можно по справедливости вписывать в границы Русского мира. Однако здесь эта граница все прозрачнее. Русское слово на татарицких сельских улицах сейчас скорее редкость. Удивляют и вызывают непонимание заклеенные по местному обычаю портретными некрологами стены и заборы – обычай, который пытается изживать о. Флор. Эти и другие мелочи сигнализируют – старообрядческая культура здесь скорее борется за существование, чем спокойно живет. Не увидишь там ту картину, когда на службу в большую церковь стекаются со всех концов колоритные сарафаны, узорчатые лестовки и подпоясанные косоворотки, как можно и ныне наблюдать в молдавской Добрудже, окруженной розовыми полями. И, тем не менее, войдя в старинную деревянную церковь, своим простором напоминающую, сколь велик был приход во время оно, ощущаешь, что попал почти домой. Все пространство наполняется зычным голосом нового, «переведенного», члена общины – болгарского юноши-чтеца, чей

знаменный распев соперничает с голосом самого отца Флора. Церковнославянское слово дается ему пока еще с трудом, но, видимо, и не отпускает свою силу. В церкви совсем не многолюдно, но явственно чувствуется, что здесь есть жизнь.

Татарица – своего рода заповедник. Это место вызывает неподдельный интерес по обе стороны Дуная. Сюда приезжают экскурсии как из ближайшей Варны, где тоже есть небольшое число старообрядцев, так и из более отдаленных мест, не говоря уже и о близлежащей Румынии, к которой канонически относится сама Татарица. Много было написано специалистами о татарицких говорах, немало записано интервью.

Семья отца Флора по-своему уникальна, учитывая выпавшие на ее долю условия жизни. Глава семейства прекрасно владеет русским языком, приправленным легким благородным

акцентом, который является для него таким же родным, как и румынский. В этом смысле о. Флор – русский патриот, высоко ценящий культуру «бывшей» Родины. Но настоящий дом – в Румынии, с рождения. Матушка Татьяна без особого энтузиазма, но все же с интересом учит болгарский язык (местные официальные органы и их представители мало толерантны к новичкам), забывает когда-то хорошо знакомый ей румынский, а дети в семье с раннего детства погружены в полиязычную среду, но под общим знаменателем староверия.

Местные старообрядцы называют себя «козаци». Это определение включает в себя, в первую очередь, конфессиональный элемент. Реальная связь с Россией давно утрачена, да

никто тут и не ассоциирует себя с ней или с русскими людьми. «Мы» – козацы, и этим все

сказано. Особенно заметно это различие, когда немногие остающиеся свидетели рассказывают о временах Второй мировой. Через эти земли проходили в разные стороны румынские, болгарские, советские войска. Но все это не те, о ком бы местные могли сказать, как о «своих». Символично, что мне довелось брать интервью у участников тех событий в минувшие майские дни празднования Победы (и как рады были старики русскому человеку и русскому слову). Считается, что староверие здесь зародилось с приходом спасавшихся от расправы казаков Игната Некрасова, нашедших убежище в «туретчине». Хотя сейчас уже больше, чем на век с небольшим, никто свою родословную не проследит. Казаки расселились на обширном пространстве от азиатской Турции до территории Румынии. Часть этой волны осела на румыно-болгарском пограничье.

В церковной книжнице мне показали неплохую для небольшого (ныне) прихода библиотечку, в которой, по традиции, есть самая ценная часть, то, что служит универсальным признаком последователей «старой веры», где бы они ни находились – московские дониконовские издания. Жаль только, что сами эти книги все меньше служат обязательным атрибутом традиционной культуры для татаричских староверов. Именно книги остаются самыми надежными хранителями народной памяти и повседневной исторической информации. Где, как не в книгах, жители современной Татарицы, проявив минимальное любопытство, смогут найти старинные записи их давних предков, оставивших свои инскрипции, по крайней мере, на протяжении двух последних столетий. В те времена, когда еще относительно недавно, немногим более полувека назад это было большое и

шумное село, где трудолюбиво жили и весело гуляли в праздники. Многое изменила война и последовавший вскоре после того (вторая половина 1940-х гг.; участников тех событий мне удалось слушать и в самих Бендерах, с другой уже «стороны» той драматичной истории) большой исход староверов из Татарицы на историческую родину в СССР, в близкую Молдавию и иные места. Об этом вскоре многие горько сожалели и помнят до сих пор...

Одна из наиболее ранних записей на книгах сохранилась на рукописном крюковом Октае: «1845 года апреля 21-го продана сия книга в Татарицу ко храму Покрова пресвятыя Богородицы Карпом Федотовым за 50 леи (?)». Из самых разных мест привозили за собой книги, оседавшие в Татарице старообрядцы. Еще один экземпляр, старопечатный московский Потребник, когда-то был вкладом в вотчину боярина Ивана Васильевича Морозова.

Существующая ныне Покровская церковь была построена в Татарице около середины XIX в. В алтаре, что большая редкость, к примеру, для многих бессарабских церквей, сохраняется документ еще оттоманского периода, с информацией о закладке церкви и разрешением турецкой администрации. Ее тщательно переписал о. Флор. Этот и подобные ему артефакты продолжают сохранять историко-культурную уникальность Татарицы. Впрочем как и живущие здесь люди. В селе пока можно найти нескольких стариков, самый старожильный из которых давно уже перешагнул 90-летний рубеж. Благодаря этому здесь еще можно услышать рассказы о последних турецких временах (что характерно, ни разу не довелось мне записать негативных высказываний в адрес бывших хозяев этих земель; турецкие власти не создавали сложностей «козацам» в вопросах веры), бурном военном периоде, наступавшей «Великой» Румынии или Болгарии при последних царях. Это и есть главное богатство Татарицы, его необходимо фиксировать во всех формах, запоминать во всех видах эту ускользающую реальность, которая в недалеком будущем сменится неким новым «настоящим». Жизнь старообрядческой Татарицы, хочется надеяться, продолжится, но это будет уже совсем другая история.

Юрий Белянкин, Архлаб